

— 1 —

Пусть все отцы в мире, готовясь уйти от нас, знают, в какой опасности мы остаемся без них.

Они научили нас ходить — мы не сможем больше ходить.

Они научили нас говорить — мы не сможем больше говорить.

Они научили нас жить — мы больше не сможем жить.

Они научили нас, как стать людьми, — мы уже не станем людьми. Мы превратимся в ничто.

На заре они сидели курили, глядя в черное небо, что танцевало над Англией. И Пэл читал свои стихи. Под покровом ночи он вспоминал отца.

В темноте на пригорке, где они собрались, мерцали красные точки сигарет. Они привыкли курить здесь перед рассветом. Они курили, чтобы быть вместе, курили, чтобы не ослабеть, курили, чтобы не забывать: они люди.

Толстяк шастал по кустам, будто бродячий пес, тьявканием распугивая мышей в росистой траве. Пэл сердился на мнимого пса:

— Кончай, Толстяк! Сегодня надо грустить!

После третьего окрика Толстяк утомился; надувшись, как ребенок, он обошел полукруг из десятка фигур и уселся к тем, кто молчал, — между Жабой, вечно унылым, и Сливой, бедным зайкой, тайным любителем слов.

— О чем думаешь, Пэл? — спросил Толстяк.

— О разном...

— О плохом не думай, думай о хорошем.

И мясистая, пухлая рука Толстяка нащупала плечо товарища.

Их позвали с крыльца старого дома, стоявшего напротив. Скоро начнется боевая подготовка. Все вскочили. Пэл на миг задержался, вслушиваясь в шепот тумана. Он снова вспоминал свой отъезд из Парижа. Он думал о нем без конца, каждый вечер, каждое утро. Особенно по утрам. Сегодня как раз два месяца с тех пор, как он уехал.

Это случилось в начале сентября, на пороге осени. Пэл не мог бездействовать: надо защищать людей, защищать отцов и своего отца, — а ведь несколько лет назад, в тот день, когда судьба лишила его матери, он поклялся, что никогда не оставит отца одного. Хороший сын и одинокий вдовец. Но война добралась до них, и Пэл выбрал оружие, а значит, принял решение покинуть отца. Он знал об отъезде уже в августе, но сказать ему не было сил. Трус. Набрался храбрости и попрощался лишь накануне отъезда, после ужина.

— Почему ты? — задохнулся отец.

— Потому что если не я, то никто.

Лицо отца светилось любовью и мукой, он обнял сына, чтобы придать ему мужества.

Отец проплакал всю ночь, затаившись в своей комнате: плакал от грусти, но считал, что его двадцатидвухлет-

ний сын — самый храбрый мальчик. Пэл стоял под дверью, слушал его рыдания. И, внезапно возненавидев себя за то, что заставил плакать отца, до крови рассек грудь острием перочинного ножа. Встал перед зеркалом, посмотрел на рану, обругал себя и еще углубил разрез у сердца, чтобы рубец не исчез никогда.

Назавтра, на заре, отец бродил по квартире в халате, с растерзанным сердцем. Он сварил крепкий кофе. Пэл сидел за кухонным столом в ботинках и шапке, пил кофе — медленно, оттягивая разлуку. Это был лучший кофе в его жизни.

— Ты одежду хорошую взял? — спросил отец, указывая на сумку, которую сын собирался взять с собой.

— Да.

— Дай я проверю. Тебе нужны теплые вещи, зима будет холодной.

И отец положил туда еще какую-то одежду, колбасу, сыр и немного денег. Потом вытащил все и трижды укладывал заново: “Сейчас уложу получше”, — твердил он в попытке отвести неумолимую судьбу. А когда тянуть дальше стало невозможно, отдался тоске и отчаянию:

— Что же будет со мной?

— Я скоро вернусь.

— Как же мне страшно за тебя!

— Не надо...

— Мне будет страшно каждый день!

Да, он не станет есть, он не станет спать, пока сын не вернется. Отныне он будет несчастнейшим из людей.

— Ты мне напишешь?

— Конечно, папа.

— А я буду ждать тебя. Всегда.

Он прижал сына к груди.

— Тебе нельзя бросать учебу, — добавил он. — Образование важная вещь. Не будь люди так глупы, не было бы войны.

Пэл кивнул.

— Не будь люди так глупы, мы бы до этого не докатились.

— Да, папа.

— Я тебе положил книги...

— Знаю.

— Книги — это важно.

И тогда отец схватил сына за плечи — яростно, в порыве бурного отчаяния.

— Обещай мне, что не умрешь!

— Обещаю.

Пэл взял сумку и поцеловал отца. В последний раз. На лестнице отец задержал его снова:

— Подожди! Ты забыл ключ! Как же ты вернешься без ключа!

Пэл не хотел брать ключ: те, кто не вернется, ключей с собой не берут. Чтобы не расстраивать отца, он лишь пробормотал:

— Не стоит, вдруг я его потеряю.

Отец дрожал.

— Конечно! Это будет глупо... Как же тебе вернуться... Так, смотри, я кладу его под коврик. Смотри, как хорошо я его положил тут, под коврик, видишь? Я всегда буду тут оставлять ключ на тот случай, если ты вернешься.

Он на секунду задумался.

— А если его кто-нибудь возьмет? Гм... Я предупрежу консьержку, у нее есть запасной. Скажу, что ты уехал и чтобы она не уходила из своей каморки, когда меня нет дома. А я никуда не уйду, если ее не будет на месте. Да,

скажу ей, чтобы смотрела в оба, а я ей на Рождество заплачу вдвое.

— Не говори ничего консьержке.

— Конечно, ничего не надо говорить. Тогда я не буду запира́ть дверь ни днем ни ночью, никогда. Тогда ты точно не останешься за дверью, когда вернешься.

Повисло долгое молчание.

— До свидания, сынок, — сказал отец.

— До свидания, папа, — сказал сын.

Еще Пэл прошептал: “Я люблю тебя, папа”, но отец его не слышал.

По ночам, когда не спалось, Пэл уходил из общей спальни, где видели десятый сон измученные учениями товарищи. Бродил по заледенелому дому, пронизанному ветром так, словно в нем не было ни дверей, ни окон. Он, вечный бродячий француз, казался себе шотландским привидением: заходил в кухни, в столовую, в большую библиотеку; смотрел на свои часы, потом на стенные, считал, сколько времени осталось до того, как пойти покурить со всеми. Иногда, разгоняя унылые мысли, отвлекал себя, вспоминал какую-нибудь смешную историю и, если она была хороша, записывал, чтобы на завтра рассказать другим курсантам. А когда совсем не знал, чем заняться, шел подставить под воду свои изломы и раны, повторяя в слив душевой свое имя: Поль-Эмиль. Теперь его называли Пэл*, потому что здесь почти у всех было прозвище. Новой жизни — новое имя.

Все началось в Париже несколько месяцев назад: они с другом, Маршо, дважды нарисовали на стене лота-

* От *pal* (англ.) — приятель. (Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.)

рингский крест. Первый раз все прошло гладко. И они нарисовали крест снова. Вторая вылазка состоялась под вечер. На маленькой улочке Маршо стоял на стреме, Пэл рисовал, старательно выводя линии, и вдруг чья-то рука схватила его за плечо, и он услышал: “Гестапо!” Сердце его замерло, он обернулся: какой-то высокий мужчина крепко держал одной рукой его, а другой Маршо. “Шайка мелких недоумков, — ругался мужчина, — вы что, хотите сдохнуть за картинки? От картинок никакой пользы!” Он был не из гестапо. Наоборот. Маршо и Пэл встречались с ним еще дважды. Третья встреча состоялась в задней комнате одного кафе в Батиньоле, на ней был еще какой-то незнакомец, судя по всему, англичанин. Мужчина объяснил, что ищет храбрых французов, готовых участвовать в военных действиях.

Вот так они и уехали — Пэл и Маршо. Их переправили по секретному каналу через Южную зону и Пиренеи в Испанию. Там Маршо решил свернуть в Алжир. Пэл хотел ехать дальше, в Лондон. Говорили, что все решается там. Он добрался до Португалии, потом, самолетом, до Англии. Прибыв в Лондон, он прошел через центр допросов в Уондсуэрте — обязательная процедура для всех французов, приезжающих в Великобританию, — и в пестрой толпе трусов, храбрецов, патриотов, коммунистов, скотов, ветеранов, идеалистов и отчаявшихся предстал перед Службой комплектования британской армии. Братская Европа текла изо всех щелей, словно построенный в спешке корабль. Война шла уже два года на улицах и в сердцах, и каждый требовал свою долю.

В Уондсуэрте его продержали недолго и скоро перевели в “Нортумберленд-хаус” — старинный отель возле Трафальгарской площади, отданный под нужды министерства

обороны. Там, в пустом холодном номере, он подолгу беседовал с еще одним французом, Роже Калланом. Встречи проходили несколько дней, поэтапно: Каллан, по профессии психиатр, служил вербовщиком Управления специальных операций (УСО), одной из ветвей британских спецслужб, занимавшейся подпольной деятельностью. Пэл заинтересовал его. Молодой человек, не подозревая об уготованной ему судьбе, лишь прилежно отвечал на вопросы и заполнял анкеты, радуясь, что может внести свой маленький вклад в военные действия. Если сочтут, что он принесет пользу как пулеметчик, он будет пулеметчиком — о, как здорово он станет палить очередями с турели; если как механик, он будет механиком и будет затягивать болты лучше всех; если же английские аналитики отведут ему роль мелкого клерка в одной из пропагандистских типографий, с энтузиазмом станет подносить палеты с краской.

Но Каллан вскоре счел, что Пэл по всем критериям отлично подходит на роль полевого агента УСО. Спокойный, сдержанный парень, крепкого сложения, с мягкими чертами лица — пожалуй, красивый. Горячий патриот, но не из тех сумасбродов, что способны погубить целую роту, и не из отвергнутых влюбленных, что идут на войну от отчаяния, из желания умереть. У него прекрасная речь, сильная, осмысленная. Врач не без любопытства выслушивал его объяснения: да, он будет очень стараться в типографии, но его должны немного подучить, ведь в типографском деле он разбирается слабо, зато любит писать стихи и будет работать как одержимый, сочинять прекрасные листовки, великолепные листовки, их станут разбрасывать с бомбардировщиков, а взволнованные пилоты станут декламировать их в кабинах... Ведь в конечном счете сочинять листовки — тоже значит воевать.

И Каллан написал в своих заметках, что юный Пэл из тех ценных людей, что нередко сами себя не знают: тем самым ко всем их достоинствам добавляется скромность.

УСО была придумана лично премьер-министром Черчиллем сразу после бегства англичан из Дюнкерка. Понимая, что атаковать немцев в лоб силами регулярной армии не получится, он решил использовать опыт герилий — вести войну внутри позиций противника. Замысел был гениален: Управление под британским командованием вербовало иностранцев в оккупированной Европе, проводило их подготовку и обучение, затем точно засылало обратно на родину, где они, слившись с местным населением, осуществляли секретные операции в тылу врага — собирали сведения, занимались саботажем, готовили диверсии, вели пропаганду, создавали подпольные ячейки и сети.

Когда все проверки безопасности остались позади, Каллан наконец заговорил с Пэлом об УСО. Случилось это под конец третьего дня в “Нортумберленд-хаусе”.

—Согласился бы ты выполнять секретные задания во Франции? — спросил врач.

Сердце у молодого человека заколотилось.

—Какого рода задания?

—Боевые.

—Опасные?

—Очень.

Затем Каллан отеческим, доверительным тоном объяснил ему в самых общих чертах, что такое УСО, — во всяком случае то, что позволяла ему открыть завеса тайны, окутывавшая Управление: парень должен был уяснить

всю серьезность подобного предложения. Пэл понимал не все, но понимал.

— Не знаю, справлюсь ли, — ответил он, побледнев. Он-то представлял себя посвистывающим механиком, напевающим печатником, а ему намекают на спецслужбы.

— Я дам тебе время подумать, — сказал Каллан.

— Конечно. Подумать...

Ничто не мешало Пэлу ответить “нет”, вернуться во Францию, к безмятежной парижской жизни, снова обнять отца и больше не покидать его никогда. Но в глубине своей израненной души он уже знал, что не откажется. Ставки слишком высоки. Он проделал весь этот путь, чтобы попасть на войну, и теперь не мог отступить. Пэл вернулся в номер, куда его поселили, с комком в горле и дрожащими руками. У него было два дня на размышление.

Через день он снова встретился с Калланом в “Нортумберленд-хаусе”. В последний раз. Теперь его отвели не в прежний жуткий зал для допросов, но в приятную, хорошо натопленную комнату с окнами, выходящими на улицу. На столе стоял чай и печенье, и когда Каллан на минутку отлучился, Пэл набросился на еду. Он был голоден, два дня почти ничего не ел от страха. И теперь глотал, глотал не жуя. Внезапно раздавшийся голос Каллана заставил его подскочить:

— Ты когда последний раз ел, мой мальчик?

Пэл промолчал. Каллан окинул его пристальным взглядом: привлекательный молодой человек, вежливый, умный — наверно, гордость родителей. Но он обладает всеми качествами хорошего агента, это его и погубит. Он не мог понять, какого черта этот несчастный мальчик добрался сюда, почему не остался в Париже. И словно за-

тем, чтобы отвратить судьбу, повел его в кафе неподалеку и угостил сэндвичем.

Они ели у стойки молча. А потом не вернулись сразу в “Нортумберленд-хаус”, а прогулялись по центру Лондона. Пэл прочел свои стихи об отце, просто так, опьяненный ритмом собственных шагов: Лондон был красив, англичане — отважны и честолюбивы.

Тут Каллан остановился посреди бульвара и схватил его за плечи:

— Уезжай, сынок. Бегом возвращайся к отцу. Ни один человек не заслуживает того, что с тобой будет.

— Люди не удирают.

— Уезжай, черт тебя дери! Уезжай и больше не возвращайся!

— Не могу... я принимаю ваше предложение!

— Подумай еще!

— Я все решил. Но я никогда не воевал, вы должны это знать.

— Мы тебя научим... — доктор вздохнул. — Ты хоть понимаешь, что собираешься делать?

— По-моему, да, месье.

— Да ничего не ты не понимаешь!

Пэл пристально посмотрел на Каллана. В его глазах светилось мужество — мужество сыновей, что приводят в отчаяние отцов.

И теперь по ночам, в загородном доме, Пэл часто вспоминал, как по рекомендации доктора Каллана вступил в Секцию F УСО. Во главе Управления стоял генерал-англичанин, оно состояло из нескольких секций, отвечав-

ших за операции в различных оккупированных странах. Во Франции их было несколько из-за политических разногласий, и Пэл вступил в Секцию F — там были независимые французы, не связанные ни с Де Голлем (Секция DF), ни с коммунистами (Секция RF), ни с Богом, ни с кем. В качестве прикрытия он получил воинское звание и личный номер британского военнослужащего; если кто-то спросит, он должен был просто отвечать, что работает на министерство обороны — обычное дело, особенно в такие времена.

Несколько недель Пэл провел в Лондоне, в одиночестве; ждал, когда начнется его обучение. Сидя в своей комнатухе, снова и снова обдумывал недавнее решение: он бросил отца, предпочел ему войну. “Кого ты больше всего любишь?” — вопрошала совесть. Войну. И он невольно спрашивал себя, увидит ли когда-нибудь отца, к которому был так привязан.

По-настоящему все началось в первых числах ноября, под Гилфордом, в Суррее. В усадьбе. Почти две недели назад. Поместье Уонборо и пригорок курильщиков на заре. Первый этап обучения курсантов УСО.